

ИДЕОЛОГИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

У статті розглянуто місце ідеології як специфічного способу освоєння реальності в системі політичної культури суспільства та як елемента суспільної свідомості в структурі політичної культури.

Ключові слова: ідеологія, політична культура, суспільна свідомість.

In the article the place of ideology as specific way of opening up reality in social political culture and as element of social consciousness in political culture structure is determined.

Keywords: ideology, political culture, social consciousness.

Развитие демократии в Украине, как и на всем постсоветском пространстве, вызвало к жизни включение в политику широких социальных слоев и активизацию проявлений стихийных форм политического участия членов общества. Современные формы политизации общества отличаются большим спектром направленности и диапазоном проявлений, где, наряду с конструктивным началом, проявляются деструктивные взгляды и настроения. Они зачастую отражают отсутствие необходимых представлений о политике значительной части общества, неустойчивость оценок и нередко чрезмерные притязания, затрудняющие приобретение субъектами адекватных нынешним политическим реалиям норм поведения и ориентации, и порой влекут за собой проявления экстремизма в различных аспектах политического участия.

Трудности демократического переустройства общества и государства кроются не только в менталитете народа. Догматизация любых конкретных форм демократии (от либерально-индивидуалистической до элитарно-авторитарной) ведет к искажению исторической перспективы – принципы политического устройства не могут не быть сообразны историческим традициям страны, культуре ее населения и, в особенности, условиям, в которых решается задача обеспечения единства и управляемости общества. Сложившаяся исторически многолетняя экспансия государства во все сферы жизнедеятельности общества обернулась не только крахом тоталитарной политической власти и ее атрибутов, но и подрывом традиций передачи политического опыта на фоне обострения социальных конфликтов различных уровней и масштабов. Идеология, как единственная, официальная и преобладающая форма общественного сознания, которой на уровне государственной политики придавалось приоритетное значение, перестала быть ориентиром для принятия членами общества политических решений и фактором консолидации общества. Конкурирующие формы политического мировоззрения создаются зачастую стихийно и не выполняют необходимых для развития единой политической культуры

ценностно-ориентирующей и идеально-конструирующей функций.

Ослабление социально-экономических оснований государственного развития на фоне усиления дестабилизационных процессов привело к компенсации ослабления активности идеологического компонента сознания усилением роли манипулятивных технологий, которые формируют частичное, фрагментарное сознание и существенно ослабляют сопротивляемость человека и общества к воздействиям разного рода. В первое десятилетие независимости Украины на развитие политических отношений оказывал решающее влияние фактор сплетения власти и собственности, что вызывало необходимость сочетать два пути движения к демократическому государству – выстраивать властную вертикаль сверху и обеспечивать ее поддержку гражданским обществом при помощи политических организаций. Связь же элиты и электората, хотя изначально формируется механизмами локально-групповой консолидации и прагматического сотрудничества частных интересов, не в состоянии охватить все общество без введения в политическую коммуникацию единых для общества и государства целей, определяемых политикой и направленных на формирование внутренне интегрированного, ценностно-гомогенного общества.

Современные элиты все более самостоятельны и сами дистанцируются от рядовых граждан, участие которых в политических процессах ограничивается частичной трансляцией своих интересов через общественное мнение. Иные контакты в сфере политической коммуникации, обладающие необходимыми для самоорганизации политической сферы ценностно-ориентирующей и идеально-конструирующей функциями, теряются в сужающемся поле политического существования все более маргинализирующейся идеологии. Пожалуй, речь сейчас идет о вытеснении идеологии не из сферы взаимодействия участников политического процесса и общественного сознания вообще, а на их периферию. Ее прежние лидерство, поглощавшее внимание общества, как раз и обеспечивало функционирование нормативно-символической сферы необходимым для связи власти и подвластным образом. Поэтому сегодня, когда невозможно использование идеологических конструкций в их прежнем качестве, происходит мнимое замещение преобладания ценностных систем средствами «разогрева» общественного мнения. «Несамостоятельность приводит к безынициативности и готовности полагаться на другого и, как следствие, – появлению общества масс, которое оказывается в полной зависимости от того, кто может достичь властного статуса» [1, с. 143].

Историческая специфика противоречий политического и духовного развития общества предполагает поиск и анализ механизмов функционирования различных образований политического сознания в политической практике как факторов и характеристик политической жизни, а также существенных элементов и связей общественного сознания и политической культуры, без чего нельзя преодолеть поверхностное понимание сегодняшних процессов.

Научный интерес к фундаментальным категориям политической науки, среди которых, несомненно, важное место занимают «политическая культура», «общественное сознание» и «идеология», имел место в 90-х годах прошлого века, существенно уменьшился в первые годы нынешнего века, а сегодня

трансформировался в проблемном поле. Среди немногих опубликованных в начале века в Украине работ, проводившихся в этом направлении, обращают на себя внимание статьи Л. Солонько и А. Литвиненко. Оба автора выбрали традиционный для того периода ракурс рассмотрения феноменов общественного сознания – выявление зависимости структуры общества и политики государственной власти от существующих в конкретной культуре идей и приоритетов. Так, Л. Солонько считает, что в перерыве между необходимыми украинскому обществу актами творения национального единства символы этого единства мирно спят в национальном сознании, а сама идея единства является мифологемой, порожденной «украинской идеологией» [2, с. 16–17]. А. Литвиненко рассматривает механизмы влияния на общество западных ценностей (и в том числе политических), которые, попадая в слабую идейно-моральную систему принимающего народа, формируют психотипы и модели сознания участников политического процесса, отвечающие принятым на западе парадигмам управления [3, с. 41–47]. Научная дискуссия последних лет направлена уже не на обобщающее переосмысление содержания понятий с учетом мирового теоретического наследия, соответствующего историческим реалиям и решаемым конкретным задачам, а на рассмотрение понятий применительно к их современным онтологическим формам. Научные работы, посвященные связи общественного сознания с политической практикой, опираются на различие подходов и анализируют конкретные процессы – манипулятивные технологии, интеллектуальные и информационные ресурсы, познание истины, формы рационального, субъективные привилегии и др.

Представляется, что обращение к базовым положениям политической науки актуально в связи с необходимостью объяснения политической практики сложностью, противоречивостью и многоукладностью структуры современного общественного сознания и политической культуры. Такая позиция, в свою очередь, требует специального изучения, отбора и совершенствования методов, объяснительных принципов и исследовательских программ, без которых невозможно решение задачи преодоления абстрактности гносеологического и социологического подходов в анализе проявления элементов политической культуры. От эвристичности принципов анализа в значительной степени зависят предмет и результат исследований в этом направлении.

Целью данной статьи является рассмотрение места идеологии как специфического способа освоения реальности в системе политической культуры общества и выявление в структуре политической культуры места идеологии как элемента общественного сознания. Объект анализа – идеология как форма политического мировоззрения и как форма выражения общественных интересов. Необходимыми задачами в рамках поставленной цели представляются: 1) анализ соотношения понятий «общественное сознание» и «политическая культура», рассмотрение взаимодействия политической культуры и общественного сознания и политического сознания как разновидности последнего; 2) определение места идеологии в структуре общественного и политического сознания; 3) определение форм влияния идеологии на уровни общественного сознания.

Политическая культура с момента оформления в целостную последовательную концепцию является качественной характеристикой политической сферы, определяя характер и содержание политических взаимодействий и выполняя, таким образом, роль основополагающего объяснительного принципа и конечной детерминанты политики. Идея политической культуры, впервые предложенная в XVIII веке И. Гердером, была разработана в нестрогом концептуальном поле политической науки американским теоретиком Х. Файером (1956) и в середине XX века приобрела форму специфического научного подхода в работах Г. Алмонда, написанных в соавторстве с С. Вербой «Сравнительные политические системы» (1956) и «Культура гражданина. Политические отношения и демократия в пяти странах» (1963). В контексте политической культуры стало возможно объяснить различную эффективность схожих политических институтов, действующих в разных странах и политических условиях. Возникновению концепции способствовали исторические условия. Главным фактором развития мирового политического процесса стало массовое вовлечение ранее пассивных широких слоев населения планеты в активную политическую деятельность, что порождало политическую напряженность почти во всех западных странах, так как дефицит знаний и постоянной политической информации у этих слоев приводил к случайным решениям, обнаруживая противоречие между ценностно-нормативной системой и новыми формами политического участия. Авторы концепции политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба, Дж. Пауэлл, Л. Пай) изначально видели в ней возможность объяснения природы стремительных политических изменений, выявления аномалий развития общества и предотвращения их негативных последствий [4, с. 259]. В первом приближении политическая культура понималась как тип ориентации на политическое действие, отражающий особенности политической системы, – как образцы индивидуальных позиций и ориентации в отношении политики (которые субъективны и лежат в основе политических действий) членов политической системы. Такое понимание предполагало, что существуют характеристики политической системы за пределами политических институтов. Таким образом, здесь отсутствуют исключительно психологические оценки, лишаящие исследование научной строгости. В понимании сущности политической культуры авторы предложили две существенные оговорки: во-первых, она не тождественна общей культуре социума и обладает определенной автономией и, во-вторых, не полностью совпадает с конкретной политической системой, так как типы политических ориентации могут распространяться за границы политических систем.

Оказавшись перед необходимостью выйти на операционные характеристики, Г. Алмонд и С. Верба выдвинули гипотезу, согласно которой политические ориентации, обусловленные типом политической культуры (патриархальный, подданический, активистский), могут быть представлены в виде трех уровней:

«познавательные ориентации», охватывающие знания о политической системе, ее ролях и их носителях;

«эмоциональные ориентации», отражающие чувства субъектов к политической системе, ее ролям, персоналу и деятельности;

«оценочные ориентации», содержащие суждения и мнения о субъектах политических процессов.

То есть речь идет о подсистемах, представленных знаниями, явлениями чувственного характера и совокупностью суждений. Часть элементов сознания, содержащую комплекс оценок, суждений и мнений, принято причислять к идеологии как системе ценностей, установок и относительно достоверных представлений общества или его части о реальности, выступающей в качестве универсального ориентира социальной деятельности.

Значительная часть философской литературы определяет место идеологии в системе общественного сознания в одном ряду с наукой, религией, моралью, искусством и другими его формами. Формы общественного сознания при этом определяются как более или менее систематизированное сознание, опосредованное теоретическим или художественно-образным отражением действительности. Основанием классификации признаются объект и форма отражения, выполняемые социальные функции и своеобразие законов развития. Многообразие форм общественного сознания объясняется сложностью использования разнообразных приемов и способов освоения действительности; одним из данных специфических способов является идеология. В соответствии с социальным и гносеологическим критериями выделяют такие уровни общественного сознания, как общественная психология, идеология и наука. Здесь нельзя не упомянуть позицию многих авторитетных ученых (одним из первых ее выразил В. Пугачев), считающих элементами политического сознания (как один из вариантов применения сферного критерия) политическую теорию, политическую идеологию и политическую психологию. Структура общественного сознания во многом повторяет, таким образом, структуру политической культуры за вычетом деятельностной составляющей. А применение сферного критерия происходит дважды – на различных уровнях общественного сознания и политической культуры, позволяя максимально строго определить место идеологии в структуре феноменов. Хотя следует уточнить, что в данном случае речь идет не об идеологии вообще, а о политической идеологии как ее разновидности.

Политическая идеология осуществляет связь общественного сознания с политической практикой, точнее, вопрос о роли идеологии в жизни общества связан с механизмами и источниками взаимодействия общественного сознания и политической практики. Однако проблема взаимодействия идеологии и практики далеко не однозначна. Сведение ее к извечному вопросу философии – определяет ли бытие сознание или наоборот – представляется здесь не вполне правомерным. Вероятно, несколько более корректной является трактовка идеологии как формы выражения общественных интересов – действительность через потребности порождает интересы и идеи с тем, чтобы в последствие ими руководствоваться. В этом смысле «идея правит миром». Содержание идеологии составляет область ценностных суждений, источником которых является идея как продукт интеллектуальной среды, воздействующая на общественное сознание и порождающая массовые действия через создание мотивов политического поведения. В

повседневной же жизни поведение людей, без сомнения, определяется их взглядами, выражающими и индивидуальное, и общественное сознание.

Политическая культура, которой присуще, как отмечалось выше, выявление поведенческих стереотипов и моделей и природы их изменений, представляет собой часть общей культуры общества, имеющую сущностную специфику и самостоятельное значение в формировании направлений общественной практики. Непосредственная связь культуры с общественным сознанием не вызывает сомнений, но формы и способы этой связи не всегда однозначны и потому не могут быть однозначно истолкованы. Сознание, в том числе общественное сознание в различных его проявлениях, есть процесс и результат освоения действительности. Культура же – это базовая инфраструктура развития социальной системы, социальная среда обитания, жизнедеятельности и воспроизводства человека и общества, относящаяся в равной мере как к их сущности, так и к существованию. Объективность культуры имеет субъективное происхождение, так как ее активным началом является человек. То есть общественное сознание является интегрирующим компонентом социокультурной системы, обеспечивающим ее воспроизводство.

Духовная жизнь общества, вместе с тем, значительно шире общественного сознания. Формы общественного сознания представляют собой и способы духовно-практического освоения реального мира, и способы воспроизводства и трансмиссии некоторой конкретной части реальности, и одновременно средства познания. Здесь взаимодействуют общественное сознание и совокупность норм и традиций, которые находят в нем отражение в той или иной форме в качестве элементов социокультурной системы и духовной культуры. Содержание и смысл общественного сознания раскрываются через деятельность людей, их отношение к миру. При этом мотивы, оценки, интересы, социальные ожидания и притязания относятся в равной мере как к культурной сфере, так и к сфере общественного сознания. Этот комплекс элементов можно условно разделить сообразно специфике сферных образований. Так, к субъективному миру политического сознания можно причислить установки, ориентации, ценности. К сфере политической культуры относятся нормы, поведенческие стереотипы, вербальные реакции, политическая символика и знаковая система, выражаемые различными средствами [4, с. 24–25].

Политическое сознание функционирует и воспроизводится в определенной культурной среде, являясь одновременно условием и средством политической культуры. Его специфичность заключается в том, что основу данного феномена составляют установки, ориентиры, ценности и стереотипы, относящиеся к политической системе, системе власти, властных институтов и отношений, категориям «свобода», «права человека», «справедливость», «демократия» и т. д. В политическом сознании преобладают когнитивные элементы, тогда как политическая культура присутствует в нем как фактор влияния на политическую систему и систему социальных ценностей, лежащих в основе идеологического выбора. Таким образом, политическая культура имеет место и в тех случаях, когда политическое сознание как целостная система отражения политической действительности выражено в слабой степени, что может быть рассмотрено как специфическое проявление политической

культуры, которое выступает в пассивной, а не активной форме. Иными словами, политическое сознание есть один из типов реализации политической культуры наряду с неосознанными реакциями ориентировочного порядка и импульсивными поведенческими актами, которые относятся к области проявления политической психологии [5, с. 22–25].

Для выделения идеологии в качестве самостоятельного элемента общественного сознания существует и гносеологическое основание. Оно, делая идеологию неотъемлемой частью всех иных форм общественного сознания, позволяет рассмотреть ее как специфический способ освоения реальности. В советской науке оно получило достаточно подробное освещение. Например, А. Уледов отмечал, что «в гносеологическом аспекте простейшими структурными элементами сознания выступают ощущения, восприятия, представления, понятия и добавленные к ним чувственные, волевые, рациональные образования. В социологическом аспекте ими выступают знания, мнения, убеждения, нормы, символы, ценности» [5, с. 16]. То есть идеология, как система представлений и ценностей, может рассматриваться как составляющая всех мыслимых элементов общественного сознания и культуры на различных уровнях и в различных сферах, являясь необходимым этапом освоения реального мира. Идеология изначально относится к уровню представления и частично восприятия, которые являются необходимыми этапами освоения реального мира в силу специфики познавательного процесса, хотя его элементы гносеологически не самодостаточны. Идеологический этап познания предшествует знанию. Платон разделял в соответствии с гносеологической спецификой знания (рациональные условия) и субъективную убежденность (чувственные условия), впервые вводя понимание различие научной («идеационной») и ненаучной (ощущаемой) истины. Ф. Гегель поддержал тезис о возможности ненаучной истины – недостаточно подтвержденной, истины «в себе», порождения нерелексивной стадии интеллекта, бесконтрольно выводимой из «чувственной реальности» [6, с. 6]. Интерес к субъективной истине, правда, автономно от ценностного сознания, вновь актуален сегодня в связи с необходимостью осмысления когнитивных процессов современности. «Поскольку субъективная истина (истина, которая касается в первую очередь субъекта утверждения, нежели его объекта) привязана к „я считаю“, то, как представляется, мы имеем тут прямой доступ субъекта к его отдельным состояниям, что имеет известную независимость от способа, которым вещи предстают во внешнем мире. Доступ закреплен за тем, кто считает, поскольку он сам является субъектом своего убеждения... Выражение убеждения его собственным субъектом является субъективным» [7, с. 86]. Надо сказать, что субъективность истины не исчерпывается субъективностью позиций «как способности (субъекта – *Е. Р.*) говорить о себе без единой угрозы быть поправленным другим или фактом... Проблема в том, чтобы установить, в чем состоит чья-либо способность проявлять самосознание... Отсюда следует привилегия субъекта на субъективную истину» [7, с. 8]. Однако «субъект убеждения не должен приводить доказательство того, что он на самом деле убежден» [7, с. 86], поэтому ценность индивидуального самосознания порождает особую связь с его социальным самовыражением, что не может обойтись без нормативно-

ценностных оценок личности. Научная же истина рационально обработана контролем разума над собственными ресурсами. Здесь идеология, претендующая на взаимодействие с истиной, «вторгается» в первую часть структуры политической культуры, которая представлена системой знаний о природе происходящих процессов, и во многом определяет ее состояние [6, с. 6].

С другой стороны, иррационализм идеологии был предложен к рассмотрению еще в начале XX века К. Мангеймом: «Идеологиями называются те трансцендентные бытию представления, которые *de facto* никогда не достигают реализации своего содержания». В. Парето утверждал, что идеологии маскируют инстинкты и страсти, псевдологически их преобразуя [9, с. 11]. В этом смысле и знаменитый «парадокс Мангейма» (любое политическое суждение идеологизировано [8, с. 63]) вполне можно рассматривать в качестве указания на «участие» идеологии в составе знания либо, как минимум, в процессе его получения. С гносеологической точки зрения идеология выступает способом признания истины по недостаточным объективным (опирающимся на доказательство, обоснование, экспертизу, проверку) и достаточным субъективным (персональные ожидания, прозрения, антиципации) основаниям. В этом идеология родственна вере по способу признания содержания с позиций лишь частичной убежденности в его справедливости [6, с. 3–4]. В зависимости от принимаемого в расчет уровня субъективного «наполнения» идеологии варьируется – каждое проявление «нагружается» совокупностью идей, выражающих специфику субъекта, связанную не только и не столько с потребностями, сколько с особенностями их осознания.

В этом аспекте идеологию имеет смысл рассматривать как составляющую иных уровней общественного сознания и политической культуры, выделение которых можно условно определить спецификой познающего субъекта: теоретическое (научное), обыденное и массовое сознание (сюда можно добавить и популистское сознание, самостоятельный статус которого обосновывается рядом ученых). Критерий деления и в данном случае не является строгим, поскольку не исчерпывается параметрами онтологической или гносеологической специфики субъекта, точнее, возможностью их полного и конкретного применения в каждом случае. Гносеологическая позиция при этом здесь применима в достаточной мере обосновано. Приобретение достаточного обоснования «превращает» его в знание, которое по природе своей выше всех этапных «состояний», предшествующих получению истины (как высшие формы движения материи несводимы к низшим). Отрицание этого тезиса в значительной мере ставит под вопрос существование истины и всех ее объективных начал (история философии богата такими примерами и теориями близкими агностицизму) и делает беспочвенным поиск гносеологических закономерностей. Хотя степень объективности истины может быть разной (неоклассическая теория истины, например, очень последовательна в рассмотрении этого вопроса), сама же объективность и наличие объективных элементов в инструментарии познания едва ли может подвергаться сомнению по существу.

Научное сознание характеризуется достаточностью для признания содержания объективных оснований – наличием логической системы положений, строгостью

причинно-следственных утверждений, отсутствием недоказанных либо противоречивых посылок и наличием рефлексии идеи в сознании. Идеологии же присущи следствия ценностного примата – апологетичность и авторитарность – претензия на всеобщность идей, следующих из причинных зависимостей нестрогим образом. Так, идеология, по выражению Х. Ортеги-и-Гассета, объявляет шах истине – идеологии присущи знания, не удостоверяемые дискурсивно.

Между тем, идеология не без основания претендует на статус теории, обладая специфическим гносеологическим ресурсом: правилами, ценностями, стандартами, канонами и императивами. Они регулируют освоение мира и процесс получения результатов. Отличает идеологию выход «за пределы» науки – отсутствие последовательной дискурсии и наличие установки на необходимое субъекту (наилучшее для него) преобразование действительности.

Обыденное сознание воспроизводит в формах повседневного знания свойства и связи реального мира, и уровень представлений здесь является пределом осознания предметного мира. Однородности и идентичности проявлений (в том числе в деятельности) такого типа сознания у всех членов общества это не означает. Но наличие у них некоторых элементов общества обыденного сознания является условием жизнедеятельности социальной системы, поскольку не одна теоретическая задача не решается человеком в отрыве от задач собственного жизнеобеспечения как члена конкретной общности. С развитием культуры обыденное сознание не вытесняется иными способами освоения реальности, а обогащается ими по содержанию и структурно, является способом и условием развития и взаимосвязи иных элементов общественного сознания. Идеология во многом является порождением обыденного сознания. В гносеологическом аспекте обыденное сознание служит одним из важнейших условий формирования мировоззрения, усвоения знаний, норм и оценок. Все эти элементы сознания, в свою очередь, влияют на формирование личностных качеств, ценностных ориентации и идеалов (образов действительности). Идеология, которая со своей стороны способствует выработке данных элементов сознания, способствует стереотипизации обыденного сознания посредством пропаганды и иных методов, теоретически упрощая субъекту процесс создания образов реального мира и принятия модели «идеального будущего». Идеологии как инструменту обыденного сознания свойственна связь с практическим преобразованием действительности. Но если обыденное сознание формируется под действием практики, то идеология имеет априорную установку на преобразование мира в интересах субъекта по его собственному сценарию – здесь уже базовой целевой установкой становится культура. «Эту проблему решают путем обоснования рациональности целей конкретной деятельности через обращение к более фундаментальным культурным практикам» [10, с. 146].

Сознание предстает как отношение познающего субъекта к противостоящему объекту в процессе деятельности, в то время как идеология – отношение такого рода через призму ценностей, сопоставление результатов деятельности (включая полученные знания) с «идеальной моделью» реальности и будущего.

Массовое сознание имеет свою специфику. Отличает его от других компонентов

общественного сознания то, что оно формируется всей массой членов общества. Обуславливающие его развитие тенденции и явления в той или иной мере охватывают все общество, имея при этом специфику групп, имеющих различные идеологические ориентации (связанные с классовой принадлежностью, поскольку определяются осознанием классовых потребностей). Поскольку масса формируется не на основе интереса, то тип общности, который составляется по иррациональным или временным признакам, называют «неклассическим». Присущие ему некоторые черты общественного сознания не подлежат классическим приемам анализа.

В признаки массы принято включать следующие нестрогие характеристики: аморфный тип целостности; вероятностный характер возникновения; ситуативность появления и существования; гомогенность в одном отношении, а не во многих. Связь массы с деятельностью носит при этом ситуативный характер. Масса «атомистична» – индивид не только не осознает принадлежность к этой группе, но и активно ее отвергает [11, с. 26–31]. Массовое сознание (а сознание всегда повторяет особенности структуры соответствующей общности) не имеет четкой иерархии уровней, как масса сама является неструктурированной групповой единицей. Его главная гносеологическая особенность заключается в аксиомизации представлений – следствие дедуцирования этих аксиом может носить сугубо теоретический характер, а знания превращаются в мифологемы, стереотипы мышления, при этом причинно-следственная связь может обеспечиваться идеологически. Эти формулы утрачивают содержание и служат символической системой группового мышления. Знание утрачивает объективность (доказуемость), приобретая доступность пониманию как способ доказательства и приемлемость для реализации конкретной цели. От массового сознания идеологию отличает устойчивость – здесь субъективные ориентации, ценности и установки достигают степени прочности предрассудка [6, с. 3]. Теоретические посылки в ряду с нестрогой системой доказательств содержания создают иллюзию обоснованности основных положений, сохраняя эстетичность как основной признак освоения истины.

Тезис «начала идеологии – границы науки» [6, с. 11], таким образом, представляется верным применительно ко всем названным уровням общественного сознания и политической культуры, содержащих «пограничный» с наукой диапазон проявлений. Но задача идеологии невыполнима только научными методами и средствами – на базе культурных ресурсов идеология создает идеальное сочетание целей и средств развития общества для достижения наилучшего мыслимого в интересах субъекта сценария будущего. «Если мы соглашаемся признать способность сознания создавать идеальные конструкции, мы, тем самым, признаем, что сознание содержит в себе нечто такое, чего мы вне ее, в иных видах бытия не наблюдаем и что даже не можем приписать никакому другому ее виду. Это признание реальности онтологического статуса сознания... Идеальное некуда усовершенствовать, поскольку это единственно возможное измерение, но нельзя и ни на йоту уменьшить, поскольку тогда оно не будет идеальным» [12, с. 15]. Идеология, присутствующая и в политической практике, и в обыденном и массовом сознании, и других элементах общественного сознания, находит отражение в специфической деятельности

личности и общности и ее мотивационной основе. Для существования в качестве самостоятельной формы общественного сознания идеологии недостает позиций соответствия строгим критериям, но она создает идеальную систему координат, в которые вписываются практически все проявления политической культуры как составляющие общественного сознания. Объем действия человека, вероятно, несопоставим с объемом действия природы даже при вытеснении «второй» природой первой. Однако человек в этих условиях ориентируется на потребности, которые могут вытеснять из сознания рефлексию. То есть проективность бытия координируется с ценностным сознанием как образцом известных типов общественной деятельности, что является неотъемлемой частью и продуктом идеологии, которая, в свою очередь, служит специфическим способом внесения идеального порядка в онтологические представления общностей и личностей, преобразующих природу в процессе реализации своих интересов.

Литература:

1. Лозниця С. Манипуляція свідомістю: історико-культурні засади // Філософська думка – 2008. – № 1.
2. Солонько Л. Імперська складова „української ідеології” та пострадянська бюрократія // Політична думка – 2002. – № 1-2.
3. Литвиненко О. Інформаційні впливи на пострадянське суспільство // Політична думка – 2002. – № 1-2.
4. Мухаев Р. Т. Политология: Учебник для вузов. – М., 1998.
5. Гаджиев К. С. Политическое сознание или политическая культура? // Кентавр. – 1991. – Октябрь-декабрь.
6. Ильин В. В. Великая конфронтация: идеология и наука. К вопросу о возможности научной идеологии и идеологичной науки // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. – 1992. – № 5.
7. Декомб В. Суб’єктивний привілей // Філософська думка – 2008. – № 1.
8. Политическая наука: предмет и методологические основания: Сборник материалов международной научной конференции (г. Харьков, май, 2002 г.). – Х., 2002.
9. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. – 2001. – № 1.
10. Білокобильский О. Раціональність як межа метафізичного дискурсу // Філософська думка. – 2006. – № 5.
11. Кукушкина Е. И., Насонова Л. И. Обыденное и массовое сознание (опыт социологического анализа) // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. – 1991. – № 1.
12. Петрушенко В. Атрибутивні риси свідомості // Філософська думка. – 2007. – № 2.
13. Гуторов В. А. Современная российская идеология как система и политическая реальность (Методологические аспекты) // Полис. – 2001. – № 3.
14. Клеменьев Д. С. Человек в кризисное время // Вестник Московского государственного университета. Серия 12: Социально-политические исследования. – 1992. – № 2.)
14. Зимина Л. А., Сычева И. П. К вопросу о субъекте познания социальных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. – 1992. – № 2.
15. Гобозов И. А. Введение в философию истории. – М., 1993.
16. Киселев И. Ю. Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии. – 2002. – № 5.
17. Основи демократії: Навчальний посібник / Авт. колектив: М. Бессонова, О. Бірюков, С. Бондарук та ін.; За заг. ред. А. Колодій. – К., 2002.